

Т.В. Матвеева

ПСИХ НЕНОРМАЛЬНЫЙ И ЗМЕЯ ПОДКОЛОДНАЯ (О ПОЛНОЗНАЧНЫХ СЛОВАХ В РОЛИ ИНТЕНСИФИКАТОРА)

Экспрессивное слово наиболее полно выражает свои свойства в аналогичном контексте, поддерживающем и усиливающим эмоционально-оценочное содержание выразительной лексической единицы. Такой контекст — экспрессивный, или контекст-мнение¹, содержит явственное выражение субъективной модальности, передает сообщение о некотором предмете речи в определенной эмоционально-оценочной тональности.

Контекст вообще и экспрессивный контекст в частности может рассматриваться как особая семантическая единица, которая участвует в порождении более крупных смыслов наряду со значением слова и грамматической формы². Роль контекста тем более велика, что вне его, в изолированном виде слово и грамматическая форма еще не соотнесены с конкретным явлением действительности и субъективно-модальной интерпретацией этого явления. Экспрессивный контекст характеризуется семантической двуплановостью и заведомо предполагает наличие субъективно-модального плана.

В опоре на представленные положения рассмотрим один из типов минимального контекста экспрессивных обозначений лица, связанный с распространением сочетательным способом, а именно определительные словосочетания с опорным компонентом — экспрессивным существительным и зависимым компонентом — полнозначным прилагательным, относительно устойчиво встречающимся в сочетании с опорным. Предмет исследования составляет семантическая специфика и функция определений в составе экспрессивного словосочетания, а также структура и семантика такого словосочетания в целом. Материалом статьи на равном основании служат словарные иллюстрации, извлечения из художественных и публицистических текстов, словоупотребления живой речи города, в том числе просторечные и жаргонные³, данные диалектов.

По статусу системных единиц данный тип словосочетаний занимает промежуточное положение между свободными сочетаниями и фразеологизмами. Условием включения сочетания в число анализируемых принималось свободное функционирование опорного структурного компонента — экспрессивного существительного, тогда как зависимый компонент может характеризоваться и свободным, и связанным значением, ср.: *гад ползучий, баран безмозглый дубина стоеросовая, чучело гороховое*. В целом относительно названной группы словосочетаний можно предположить наличие клишированной конструкции с постпозицией зависимого члена словосочетания, причем постпозиция определения не связана с типичной для субстантивных словосочетаний актуализацией прилагательного при развитии текстовых смыслов⁴. Каждое из данных сочетаний остается единым замкнутым комплексом, занимающим одну синтаксическую позицию (обычно предиката с характеризующим значением). В то же время постпозиция определения выступает как тенденция речевого пользования, но не единственно возможный его вариант: для некоторых единиц анализа характерно также

препозитивное положение определения: *отпетый бандит, набитый дурак, кисейная барышня, старый черт* и др.

Контекст экспрессивных обозначений лица (*баран, бревно, дурак, пень, пугало, скотина, тварь, фашист* и т.д.) составляют исконные прилагательные и адъективированные причастия с оценочным либо нейтрально-информативным значением. Оценочные определения практически без исключений связаны с явлением семантической редупликации, или повтора. Семантика существительного-редупликанта повторяется в прилагательном-редупликаторе (*алкаш дешевый, баран безмозглый, ведьма проклятая, дурень бестолковый, мент поганый, псих ненормальный, дрянь паршивая, тварь последняя*), причем нередко дублируется не только оценочная сема, но и сема качественной характеристики обозначаемого (*осел упрямый, псих чокнутый, дура ненормальная, дурень неумный*). Таким образом, налицо контактный семантический повтор — прием повышения выразительности номинативной единицы⁵ путем нагнетания однотипной семантики, здесь — эмоционально-оценочной. В отличие от полного или частичного повтора прилагательных или наречий, склонного к лексикизации номинативной единицы (*белый-белый, холодный-прехолодный, темным-темно* и др.), семантический повтор на оценочном основании с приобретением целостного интенсификационного значения остается в границах стандартного определительного словосочетания, легко разлагаемого на самостоятельно употребляемые лексические единицы и отчетливо характеризуемого постпозицией определения.

Наиболее употребительны в данной группе словосочетаний прилагательные общей презрительной оценки *поганый* и *паршивый*, с помощью которых в данную модель может вовлекаться нейтральное слово (*А жениха этого поганого чтоб я больше не видел; Родственники паршивые, советы только давать умеют!*). Названные прилагательные хорошо сочетаются с общеоценочными существительными (*тварь, дрянь, сволочь, голь*), образуя сверхмногозначные отрицательные оценки-словосочетания.

К этой немногочисленной группе общих оценок с прямым дублированием исходного оценочного значения примыкает обширная группа сочетаний с первично-чувственной конкретизацией обозначаемого, что связано с сенсорно-вкусовыми оценочными значениями⁶. С помощью определения обозначаемое представляется в конкретизированном виде, причем это либо наименее привлекательный его вид, либо наименее непривлекательное его проявление. Данная модель часто строится на образе — зооморфной или иной метафоре в субстантивной части сочетания, и определительное словосочетание в целом представляет собой развернутую наглядно-оценочно конкретизированную метафору, реалистическую (*козел нечесаный, котикше помойный, бревно нетесаное, кошка драная, скотина безрогая, ботало⁷ деревянное*) или фантастическую (*тигра рогатая, пень ушастый*). Однако встречаются и неметаморфические образы: *голь кабацкая, мразь вонючая, божж вонючий, мелочь пузатая, вонь толченая, аристократ вишивый*. Семантическая модель с конкретизированным частнооценочным снижением обладает столь же сильной, если не большей, отрицательной энергией, как и общеоценочное удвоение, она, что хорошо известно каждому русскому, сильно смещена в область грубого просторечия (*сука подзаборная* и т.д.).

В особую группу выделяются определения с волюнтаривной семой (*фашист недобитый, буржуи недорезанный*), также несущие в себе мощный заряд отрицательной энергии говорящего, здесь принимающей агрессивно-действенный характер.

Во всех рассмотренных случаях отмечается оценочное удвоение и, в результате, интенсификация оценки исходной номинативной единицы. Такой результат может достигаться также прямым использованием интенсификатора — параметрической характеристики, указывающей на полноту проявления признака, составляющего основу лексического значения определяемого: *полный идиот, круглый дурак, подлец законченный, гад невероятный*. Иногда параметрическая характеристика осуществляется на основе образа: *птенец желторотый, шкура барабанная, хулиган отпетый*. Вообще заметно, что опора на образ — это существенный элемент лингвистической техники усиления экспрессивного смысла опорного слова в контексте определительного словосочетания. В то же время в рассмотренных выше случаях образ — не самоцель, он служит основанием оценки, причем в контексте оценка развивается в том самом ключе, который свойственен опорному словосочетанию. В результате и наблюдается интенсификация оценки в словосочетании сравнительно с одиночным употреблением исходного экспрессивного обозначения лица.

В целом отмечаем два способа интенсификации экспрессивного смысла в атрибутивном контексте: эмоционально-оценочное удвоение смысла (иногда на основе образа) и распространение прямым или образным определением-интенсификатором. Так, передающая пренебрежение и отвращение характеристика лица *сопля зеленая* строится на двуплановости атрибута, одновременно отсылающего к прямой конкретизации мотива означаемого в наихудшем виде и к ассоциативной связи *зеленый — молодой*.

Отметим теперь, что данные способы на охватывают весь материал определительных сочетаний, экспрессивно обозначающих лицо. Обширная группа таких словосочетаний имеет особый характер распространения, назовем его регистративным: в постпозитивизмом определении называется типичный, тривиальный, сам собою разумеющийся признак мотиватора определяемого (вся эта группа основывается на субстантивных метафорах): *таракан рыжий, усатый, запечный, тигра полосатая, чурка деревянная, коза рогатая, ботало коровье, пень березовый, пугало, чучело огородное, каланча пожарная*. Сюда же, вероятно, следует отнести номинацию *кикимора болотная*: одна из этимологических версий слова *кикимора* определяет сферой обитания этого славянского мифологического персонажа сырое место⁸, так что в словосочетании *кикимора болотная* эксплицируется типичный признак мотиватора. Возникает вопрос о причинах такого распространения, ведь с дублированием эмоционально-оценочного содержания опорного слова оно явно не связано.

Вероятно, здесь значимо контекстное усиление посредством образной конкретизации. Конкретные схемы лексического значения, конкретно-предметная лексика составляют основу образности и художественного отражения действительности⁹. Все определения в данной группе словосочетаний лишены оценочности, однако наделены признаковой конкретностью (указывают на окраску, материал, принадлежность, местоположение и др. уточняющие признаки лексического мотиватора — опорного метафорического существительного). Однако чисто семантическая трактовка данной модели недостаточна. Главное здесь, на наш взгляд, — это действие ритмико-интонационных закономерностей устной экспрессивной речи.

Значимость интонационного выражения эмоционально-экспрессивного содержания высказывания общеизвестна, а для выражения сильной эмоции требуется не только энергия, но и пространство для ее реализации (отсюда интонационные растяжки эмоционально значимых лексических единиц: *Ура-а-а!; Что-о-о?!; Ну не-ет!*). Вспомним также, что образное

выражение «трехэтажный мат» строится на пространственном признаке). Анализируемый материал связан с сильными средствами экспрессивной характеристики лица, поэтому вполне возможно, что использование экспрессивного субстантива, а среди них много коротких, одно- и двусложных, еще не дает говорящему эмоциональной разрядки: пространство экспрессивного слова слишком мало для этого. Тогда он и распространяет экспрессив атрибутивным способом, добавляя к нему определение по принципу оценочного нагнетания или конкретизации (Ср. у Радищева: *Звери алчные! Пиявицы ненасытные!*). С динамической позиции, словосочетания типа *псих ненормальный* или *кикимора болотная* можно рассматривать как экспрессивную «стресс-модель» спонтанной устной речи, со статической — как экспрессивную номинацию необходимой степени интенсивности. В.Н.Телия отмечает, что номинацию можно интерпретировать как синхронный процесс речевой деятельности¹⁰. В данном случае мы имеем дело с экспрессивной речевой номинацией, которая может деятельностно корректироваться по силе воздействия в зависимости от эмоционально-оценочного напряжения говорящего. Постпозиция определения в данных речевых номинациях в полной мере отвечает закономерности разговорной и, шире, устной речи — вначале изолированно обозначить тему и лишь затем характеризовать ее¹¹. Исконная связь данной конструкции с устной разговорной речью подчеркивается, на наш взгляд, тем, что ее реализация на книжной основе (*продувная bestия, святая простота, черная зависть, смертельный грех, кисейная барышня*), преимущественно связана с закрепленной препозитивной структурой словосочетания. В этих случаях словосочетание существует как номинативное целое, воспроизводимое, а не производимое в момент речи. Впрочем, жесткой границы между книжными и «народными» характеристиками лица, безусловно, нет. Возможность смены компонентов корректируется также зависимостью от семантической модели и степени индивидуальной фразеологизации экспрессивного сочетания. Однако усредненно субстантивные словосочетания с постпозицией определения можно трактовать как динамическую структуру, контекст-номинацию, конструируемую в момент речи в качестве реакции на внешнее раздражение или внутренний эмоционально-оценочный импульс, а те же сочетания с препозицией определения как статическую единицу, составной целостный компонент спланированного речевого хода, экспрессивный стандарт развитой речи.

Традиция использования определительных словосочетаний в области экспрессивных обозначений лица заложена, вероятно, в древности (см.: *голубь сизокрылый, ласточка сизокрылая, кикимора болотная*, а также субстантивные фразеологизмы с постпозицией определения — *шут гороховый, чучело, пугало гороховое*). О древности данного типа атрибутивных словосочетаний свидетельствует также характер человеческого опыта, отраженного в этих номинациях, а именно опыта природознания, связанного с крестьянским образом жизни (*змея подколотная* — в прямом значении мотиватора — наиболее опасная, внезапно появляющаяся из-под колоды змея; *дубина стоеросовая* — наиболее заметная как всякий стоячий предмет на фоне лежащих; см. также: *ботало коровье, деревянное, осиновое, базарное, худое, балда осиновая*¹², *пугало огородное, бревно нетесаное* и т.п.). По составу лексических единиц, отражающих реалии и идеологию времени своего возникновения, можно проследить движение этой традиции сквозь время: *каланча пожарная, голь кабацкая, буржуй недорезанный, фашист поганый, бомж вонючий, конь, лось педальный* и даже *сволочь параноидальная*. Пополнение круга единиц данного класса, а также их

адресатная разнонаправленность, вплоть до употребления в автохарактеристиках говорящего (*Что же я, дура бестолковая, раньше думала — сама не знаю!*) свидетельствуют о жизнестойкости рассмотренной деятельностно-семантической модели — одного из сильных средств экспрессивного выражения.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск, 1986. С.172, 185—190.

² Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. С.105—106.

³ За жаргонный материал автор благодарен студенту Д.Сухоросову, располагающему обширной картой такого рода. В статью эти материалы вошли лишь в малой степени по морально-этическим соображениям.

⁴ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С.620.

⁵ Сквородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского языка. Томск, 1981. С.110.

⁶ Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С.75.

⁷ Ботало — изготовленный из медного или железного листа колокольчик, который надевается на шею коровам и лошадям, пасущимся без пастуха. *Перен.* Болтун, пустомеля; врун. (Словарь русских народных говоров. Л., 1968. Вып.3. С.129.

⁸ Мокиенко В.М. Образы русской речи. Л., 1986. С.176.

⁹ Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1993. С.204—206.

¹⁰ Телия В.Н. К проблеме связанного значения слов: гипотезы, факты, перспективы // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М., 1995. С.30.

¹¹ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С.112—113.

¹² Две последние группы сочетаний — по данным А.И.Федорова: Федоров А.И. Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск, 1980. С.88—89.

SUMMARY

ON FULL-MEANINGFUL WORDS AS INTENSIFIERS

The article examines expressive designations of a person in an analogous minimum context. The semantic peculiarity and the functions of attributes in an expressive word-combination as well as such word-combinations as a whole are revealed. An inference about an expressive speech nomination which can be corrected by the conditions of speech generation and by the extent of emotional strain of the speaker is made. A structural variation with a postposed attribute is regarded as an «expressive stress-model» of spontaneous oral speech and as a nomination of enhanced expressive significance.

T.V. Matveeva